

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ СЕЛА

*Украинское село: от патриархальности
к постмодернизму*

ПЕРЕД ТЕМИ, КТО НЕСЕТ ПАСТОРСКИЙ ТРУД ИЛИ занимается миссионерской деятельностью в сельской местности, нередко стоит вопрос: как достучаться до сердца сельского жителя. Довольно часто служение в сельской церкви не учитывает специфическую психологию сельского жителя, его «народную веру», его память о прошлом, его возможность воспринимать современную проповедь. Проповедник должен сказать Слово Божье так, чтобы работа Духа Святого происходила параллельно с проповедью, чтобы не было внутреннего, даже неосознанного сопротивления услышанному. Это возможно, когда проповедник знает и учитывает особенности душевного состояния своего слушателя. Данная статья нацелена на то, чтобы попытаться понять внутренний мир сельского жителя через понимание его прошлого и проследить те влияния, которые сформировали его сегодняшнюю ментальность. Бесспорно, что, несмотря на свободу и отсутствие гонений, несмотря на высокий уровень подготовки молодых и образованных проповедников, люди зачастую не осознают нужды в личном познании Бога, удовлетворяются обрядами «легкой» веры. Проповедовать только потому, что есть возможность, — мало. Для жителей украинского села, православных или католиков, не было столь ощутимой несвободы, какая была для евангельских христиан. Поэтому ждать от них духовного поиска и активности только потому, что настала свобода, — нереалистично. В статье делается попытка рассмотреть изменения, происходившие в духовной жизни жителей украинского села за последние сто лет при переходе от патриархальности к постмодернизму.

Проблески «Нового мира»

В родном селе моего деда Карпиловке^[1] до сих пор помнят эту грустную историю, хотя это событие столетней давности. Где-то в середине 20-х годов прошлого века жители села решили сделать капитальный ремонт сельской церкви и для этой цели начали собирать деньги. Это было время после Первой мировой войны, люди жили бедно — немногие могли собрать денег на ремонт с каждого двора. Но люди возлагали большие надежды на нескольких жителей села, которые уехали на заработки в Канаду. В то время Канада была заветной мечтой для сельского жителя, и только решившись на поездку за океан можно было поправить свое материальное положение. А особенно жители села надеялись на троих родных братьев, которые уехали два года назад, — тем более, что их отец был одним из инициаторов ремонта. Они были грамотные, способные к наукам и, по слухам, очень хорошо устроились в Канаде. Им написали письмо от всего села с просьбой о помощи и стали ждать ответа.

Когда, наконец, пришел ответ, то родственники долго скрывали это письмо, потому что стыдились того, что там было написано. А писали братья приблизительно так: «Вы еще верите в эту глупость: церковь, попов, Бога? Оставьте все это, живите по-новому — настанет новый мир, мир свободы! О себе думайте, а не о церкви...». И мои земляки, простые хлеборобы, что из поколения в поколение передавали простые нравственные устои, которые помогали им выживать в сложных условиях, читали с недоумением этот ответ и не верили, что это написали их односельчане.

Для сельской жизни, в которой определяющим фактором были совесть, взаимопомощь, стыд перед людьми и страх перед Богом, — такое отношение было невыносимо. Люди знали наизусть почти каждую фразу этого короткого письма из Канады, толковали их на всякие лады, но ни одно объяснение не было удовлетворительным. Но все почувствовали, как что-то чужое, угрожающее, вползло в село, чему еще не знали названия.

Эта новость распространилась быстро. Стыдились не только родственники — стыдилось всё село перед соседними селами. Эти братья казались людьми из другого мира, которых невозможно было понять. Зло было непонятное, безликое, его не могли даже представить, поэтому родственники проклинали Канаду, а об этих троих плакали как об умерших. Никто не считал их отступниками, а, скорее, о них думали как о людях, заболевших неизвестной болезнью, как о людях, с которыми случилась «на чужине» большая беда. Естественно, что люди жалели и сочувствовали родителям и родным этих братьев. Сельские жители попытались отгородиться от внешнего мира и выживать своими силами. Поездки из села на заработки постепенно прекратились, а Канада с тех пор представлялась страшным, непонятным местом, несмотря на то, что другие заробитчане^[2] благополучно возвращались домой. Им говорили: «Вы, возможно, и не видели настоящей Канады».

^[1] Село в Западной Украине (название села изменено).

^[2] Так называют на Западной Украине людей, выезжающих на заработки.

Церковь все-таки поправили, — хотя, может быть, не так красиво, как хотели. От тех первых «канадских» братьев помощи уже не ждали, а с тревогой ожидали их возвращения. Но они уже никогда не вернулись из Канады домой. Позже о них приходили отрывочные слухи: об их богатстве и, одновременно, — о нищете, об их нескольких разводах, работе в каких-то политических партиях, увлечении алкоголем, даже фигурирует тюрьма в их истории. Но приезжающие из Канады о них знали мало потому, что братья были первыми иммигрантами из Карпиловки, которые поселились в городе^[3]. Большинство заробитчан работали в сельском хозяйстве и ехали на проверенные места, где были уже наши люди.

Родители попросили дальнего родственника из соседнего села, уезжающего на работу в Канаду, найти этих братьев, но результаты встречи неизвестны. А намного позже, уже перед войной, появились слухи, что это сами родственники попросили их такими, какими они стали, в село не возвращаться. Они потерялись для села, для большой, уважаемой и богобоязненной семьи, из которой они вышли. Но в то же время они, наверное, были находкой для поднимающегося монстра новой жизни, чтобы в конце концов с тысячами и тысячами других несчастных стать его жертвами. Больше о них никто ничего не слышал.

Когда я сегодня ишу в Интернете эту оригинально звучащую фамилию, набирая разные возможные варианты ее написания, — ответ один: «Не найдено». Эти люди были первыми жертвами нового понимания жизни. С опозданием, но все-таки пришел в это село на Западной Украине «новый мир», взял свою дань, выманив для этого людей в Канаду, и всколыхнул веками незыблемо стоящую систему моральных ценностей.

Эти слова: «Вы еще верите в эту глупость...» вызывали растерянность и смятение. Этот случай был необъяснимый, странный, воспринимался односельчанами как трагедия, и каждый переживал его как личную беду. Такое сказать, написать, даже думать так — никто из живущих в селе не смог бы. Странность этой ситуации была в том, что этих братьев нужно было бы называть безбожниками. Но безбожник, по убеждению жителей села, — это человек, ведущий греховную жизнь, «пропащий», — как говорили в Карпиловке. Своей жизнью «без Божьего страха» он как бы исключал себя из сельской общины, и это было естественно и всеми принималось. И, считалось, что такой сельский безбожник — вор, пьяница, блудник, ведущий безнравственную жизнь, — все-таки в Бога верил, только силы не имел жить «по-божески». Название «безбожник» относилось к его нравственной жизни, а не к собственно вере.

В те времена мои земляки еще никогда не встречали безбожника идейного — все безбожники, известные им, были такими «по жизни». Канадские братья никак не подходили под это определение: они были обыкновенными людьми, послушными детьми, выросли на глазах всего села, впитали его

^[3] «Иммигранты [в период между мировыми войнами] охотно селились в городах — Виннипеге, Торонто, Монреале, а не на западе, в прериях, как раньше». Субтельний Орест. Україна: історія / Пер. з англ. Ю. І. Шевчука. — К., Либідь. — 1991. — С. 474.

дух и отношение к жизни — и вдруг, этот поступок, поставивший всех в тупик. Что это за страшная сила способная так менять людей? Что делается там, за пределами села, — никто объяснить не мог.

Внешний мир начал представлять угрозу тому способу понимания жизни и ее ценностей, которым жили деды-прадеды. Кажется, что с этого момента в душах людей поселилась необъяснимая, но очень реальная тревога, которая уже не отпускала их никогда. Уезжающий в это время в Канаду житель села говорил: «Я не боюсь Канады, я — сам себя начинаю бояться». Хотя люди понимали, что эти братья в чем-то виноваты, но в чем именно — никто не знал, поэтому их никто особенно не обвинял.

В этом селе говорили: «От Господа Бога — жизнь и дорога». Это означало, что судьба человека, его жизнь и смерть, его жизненные дороги решает не он, а все это посылается ему Богом. Почему одним так, а другим — иначе? Спрашивать об этом было просто неразумно — это область не человеческих знаний. Разумно смириться и согласиться с судьбой. Такая вера и такое отношение к жизни помогало людям жить без лишнего напряжения и лишних вопросов. Но были в селе и такие люди, которые делали резкие перемены в своей судьбе. Например, некоторые, уехав заработать, потом решались навсегда остаться в другой стране, как эти три брата. Одни от эйфории нового быстро рвали связи с селом, другие — изредка писали письма, и еще реже присылали посылки для родственников. У каждого переселенца из Карпиловки была своя нелегкая судьба в чужой стране, которую они так и никогда не приняли своей.

А в селе радикальные перемены в человеческих судьбах происходили тогда, когда люди безоговорочно принимали и служили очередной власти, ошибочно решив, что она и есть та единственная, настоящая, желанная... Но они терпели гораздо больше неприятностей от прихода новой власти, сменившей старую. Австрия, Польша, германская оккупация, самостийна Украина, Советская власть — всё это, как грозовые тучи, пронеслось над жителями села, увлекая некоторых своим вихрем. И после каждой смены власти село беднело людьми.

Надежды «Нового мира»

*М*едленное течение жизни в этом селе на окраине всех владеющих им государств и империй дало возможность жителям дольше сохранить выработанные веками патриархальные отношения. Если и происходили где-то события исторического масштаба, то для Карпиловки это была чужая история, мало влияющая на её жизнь. Патриархальные нравы, религия, освященные веками традиции регулировали жизнь внутри сельской общины.

Проблемы начались, когда жители села начали выходить в большой мир и соприкасались с другой жизнью и другой культурой, рожденной новым временем. Но это были маленькие трагедии отдельных людей и они, обжегшись, возвращались в село или терялись в новом мире. Более серьезные проблемы возникли, когда в мире начались быстрые изменения, которые

настойчиво наступали на жизнь людей. Село увидело, что их местная культура, особенно мораль не выдерживали мощного натиска нового времени. Тогда возникла тенденция опереться на чужую силу и культуру для выживания, и хоть как-то сохранить свои ценности, без которых, как они понимали, им грозит исчезновение. В умах людей начала господствовать политика «глупого голубя». Так пророк Осия (7:11) назвал израильтян, выбирающих то Египет, то Ассирию, своими покровителями – в зависимости от ситуации. Вот характерное воспоминание жителя села В.Т.М., которое характеризует настроение сельских жителей в тот период:

«Всегда в селе были мужчины-хозяева, которые занимались на своей земле сельским хозяйством, тихо трудились и так жили. Такая была и моя семья. Но были и другие хозяева. В воскресенье, после церковной службы, еще долго на церковном дворе обсуждались все новости. Так вот, были такие, что, выйдя из церкви, говорили до людей: «Во времена Австрии была лучшая жизнь, чем сейчас, за Польшей, но нам бы было еще лучше, если бы пришли оттуда» – и показывали рукой на восток, на Россию. А как пришли оттуда, то дали им так, что забрали землю и лошадей в колхоз. Это 1939 год и дальше. И эти снова говорят: «О, если бы нам оттуда» – и показывают на запад, на Германию. А когда пришли оттуда немцы, это война 1941 года, то хорошо дали: приходили немецкие солдаты, некоторых били нагайками чтобы сдавали «контингент». На все хозяйства наложили норму – сдавать из своего поля зерно. Бывало, что весь хлеб забирали (разве что кто-нибудь спрятал), а детей увезли в Германию на принудительные работы. А эти люди, обычно – мужчины, опять: «От, если бы к нам опять пришли оттуда» – и показывают рукой на восток. А как пришли оттуда, когда закончилась война в 1945 году, то одних – в тюрьму, других (более 70 людей) вывезли в Сибирь. А все остальные хозяева все сдали в колхоз. И так жили, кто как мог, работали в колхозе, и уже никто не говорил, не желал, чтоб оттуда или оттуда пришло облегчение. Все сидели тихо в селе, потому что настало такое время. Люди не понимали того, что написано в Библии, что «только в Боге успокаивается душа моя»¹⁴¹.

Главной ценностью для жителя села в то время была община, а человек был только маленькой её частью, без которой она могла обойтись. Но сам человек не мыслил себя без неё: мнение общины мотивировало поступки, судило, ориентировало всю жизнь. Братья были носителями этой патриархальной морали, которая выражала интересы общины, а не отдельного человека. В Канаде они столкнулись с западной моралью, где главной ценностью была личность. В соответствии с этой моралью, человек ориентируется только на себя, на свои желания, он никому ничего не должен: ни обществу, ни церкви, ни Богу. С соблазном такой морали и другой, легкой жизни, столкнулись наши трое «заробитчан» в Канаде. И их жизненные устои были опрокинуты, не выдержали манящей иллюзии свободы.

Если человек не готов к свободе, – он открыт всем ветрам. Грех, живущий в сердце человека, особенно ярко проявляется при внешней свободе, а внутреннюю, настоящую свободу может дать только Христос. Скорее всего, что

¹⁴¹ Воспоминания записаны от жителя села Карпиловки В. Т. М. (рукопись у автора).

эти братья были далеки от такого понимания свободы и сами не подозревали силы «потенциала греха», находящегося в них. Оказавшись в новом окружении, где отсутствовал внешний контроль сельской общины и ощутив свободу от обязанности придерживаться в жизни неких моральных правил, они очень скоро оказались в плену своих страстей и собственной самости. Общинная мораль не была их внутренним состоянием и потому воспринималась ими как несвобода; подсознательно они ею тяготились и потому оставили при первом случае. Неподготовленные к непривычному соблазну свободы и не имея внутренней глубокой укорененности в христианской морали, они оказались беззащитными перед естественной человеческой склонностью ко греху, которая оказалась сильнее, чем преподанные церковью и патриархальным воспитанием правила жизни.

Свобода без Бога ввергает человека в такое состояние, где открывается ему зияющая пустота: самая главная проблема человека — осознание себя как человека смертного. И самая первая реакция неверующих людей на это открытие — спешить жить! Попадая в эту западню, они быстро теряют остатки морали, потому что в погоне за благами жизни она становится ненужным довеском. Чтобы не сойти с ума от этой реальности небытия и от погони за миражами, человечество придумывает новые и новые отвлекающие иллюзии, воспевая славу творцам этих утопий.

Иногда человеку удается в силу глубоких размышлений, или переживания катарсиса,^[5] или по каким-то другим причинам, освободиться от отвлекающих иллюзий и почувствовать полноту жизни, свободу своей личности. Но тогда ему сразу открывается противоположная сторона реальности: он осознает, что все заканчивается смертью. Поэтому ощущение свободы надежно сокрыто от людей мучительным сознанием смерти. Человек не может размышлять о смерти, ставя ее в центр своего сознания. Он может думать о своем небытии только косвенно, подразумевая его, в то время когда центр сознательной жизни занят второстепенными отвлекающими вопросами. И все-таки реальность такова, что человек смертен, и, как известно, чем больше он осознает это, тем больше он человек. Но так происходит при правильном понимании себя и Божьих законов. Только видя в конце не зияющую бездну, не небытие, а свет Христов, Царство Небесное — человек способен мыслить о свободе, достигать свободы и быть свободным. Определяет сознание не бытие, а вера в Бога^[6].

Классики материализма, будучи ослеплены утопиями всеобщего счастья, назвали религию иллюзией, отвлекающей людей от борьбы за счастье. Но, устранив Бога из человеческой жизни, они осиротили человека и сделали его жизнь абсурдной, а сами очутились на свалке истории, и их идеи оказались очередной иллюзией. Просто, «оседлав» одну из наиболее злободневных проблем, возникшую в мире в их время, им удалось дольше

^[5] От греч. κάθαρσις — возвышение, очищение, оздоровление.

^[6] Хотя многие думают обратное: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 13. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. — С. 5-9.

продержаться в седле придуманного скакуна прогресса, обмануть и захватить большое количество людских душ в свой дьявольский водоворот и, естественно, наделать больше бед.

Сладкое слово — «свобода»! Раз вкусив, жаждет её человек, особенно духовной свободы. Осознав неготовность к ней, начинает борьбу с собой. Но победить себя невозможно, не отдав себя прежде Богу. История знает свободных людей, христианских подвижников, людей высокого духа и высокой нравственности — все они, получив свободу во Христе, свободно приносили ее в покорность Богу. Свобода человека — это его полнота в Боге. Осознать себя насколько возможно свободным и вручить себя Богу — высший нравственный поступок свободного человека. Когда человек осознает свое высокое предназначение и цель, он обязательно увидит и свою неполноту, сиротство в мире и покорится Богу для наполнения Им.

Мать Тереза утверждала: «Покорность — это свобода»¹⁷¹. Божий плен пленяет человеческую несвободу и тем самым освобождает человека к духовной жизни. С приходом в сердце Христа — все становится на свои места, наступает полнота, и человек получает все возможности для духовного роста, реализации всех своих талантов и даров. Он получает внутренний свет для жизни, видит цель и средства достижения всех возможных для него вершин. Также он обретает ни с чем не сравнимую радость от самого процесса освящения, ощущения роста и Божьего присутствия в каждодневных делах. Но если человек не видит своей ущербности, когда он без Бога, — он еще в плену иллюзий относительно самого себя, и он вязнет в сладости иллюзорной свободы. Сколько людей попались на эту примитивную ловушку сатаны! И не только в дальних странах, как в Канаде, но и в центре своего города, в квартале от родной церкви, за порогом дома... Горькое слово «свобода»! Она неподъемна для душ, в которых отсутствует Дух Божий.

Первые шаги «Нового мира»

Приблизительно через 50 лет после описанных событий, на свадьбе в Карпиловке местные парни в пьяном угаре пели новую песню. Она не была похожа на наши народные песни, что обычно поют на сельских свадьбах, и это привлекло нас, подростков, подойти к открытому окну, наблюдать и слушать. Детская память четко зафиксировала картину: красные от напряжения, вспотевшие лица, расстегнутые почти на все пуговицы рубахи и странный, всепоглощающий ритм, который исходил, казалось, не из песни и притоптывания ног, а будто сама земля из глубин своих глухо ударяла в пол хаты. Песня была простая, ритмичная, кажется — веселая, но с похабными и пустыми словами и частым припевом:

«Гоп, стоп, Канада, —
Старого не нада,
Молодых давайте,
А вы, хлопцы, грайте...».

¹⁷¹ Мистики XX века. Энциклопедия. — М.: «Миф-Локид», 1996. — С. 224.

Таких песен в наших краях не слышали. От мощных голосов и пьяного притоптывания дрожали окна, местные свадебные музыканты отстали от нового ритма и, уныло опустив свои гармошки и цимбалы, присоединились к слушающим. А вокруг стояли отцы и матери этих парубков и с умилением смотрели на своих чад, восхищаясь их молодцеватостью и «продвинутостью». Чувства, выраженные песней, были чужими и непривычными, они сталкивались с душевным неприятием, вызывали внутренний конфликт... Но какой-то болезненный, нездоровый интерес притягивал людей к этому пению.

В той песне Канада была уже не географическим местом, а символом, в который каждый вкладывал свое самое сокровенное. Все страхи, все обиды, вся несправедливость жизни выплескивалась наружу в песне и рвалась заявить о себе из потаенных глубин души. Казалось, что само отчаяние мира заглянуло в глаза людям на этой свадьбе. В некоторые моменты пение было похоже на крик раненного зверя, и свадебные гости, которые потрезвее, смотрели на певцов с тревогой. Припев повторялся как мантра, а такой сплоченности ритмом и духом песни не каждый профессиональный хор мог бы похвастаться.

Эта песня была хитом на свадьбе в тот вечер — ее пели не меньше десяти раз. Иногда молодые девичьи голоса начинали в соседней комнате: «Ой, гаю, мий гаю, гаю зелененький...» — где там! Как африканские барабаны глушили все вокруг себя несколько десятков голосов из молодых грудей: «Гоп, стоп, Кана-а-да — старых нам не на-а-да...». Победа нового была окончательна. Канада была «реабилитирована», и потом дети, играя в свадьбу, пели «Канаду» — особенно припев с притоптыванием. А у взрослых опять появилась мечта. Кажется, что тогда произошло ещё более важное событие: были сломаны невидимые внутренние барьеры и под марш «Гоп, стоп, Канада» входил народ в «Новый мир», который принимал его в свое гражданство.

«Когда разрушены основания, что сделает праведник?» — спрашивает Давид в Пс. 10:3. На похожий вопрос Бог дал ответ Аввакуму: *«...праведный своею верою жив будет»* (Авв. 2:4). Увы, такая вера нашлась у немногих... Очень уж быстро иссяк запас прочности народной веры. Без особого сопротивления, считая это новым и прогрессивным, принимал народ примитивные подделки в культуре, в быту, в отношениях, не ведая, что творит. Принимая эту и подобные ей песни, люди соглашались на присутствие пошлости. С наивным смешком прощалась Карпиловка с прошлым. И люди с широко открытыми глазами, одни — от удивления, другие — от растерянности, но все равно пораженные общей слепотой, шагали в будущее под ритм «Канады», не ведая, какими семенами засеет мир их души¹⁸¹. Тем более, — не представляя результатов. А результаты себя ждать не заставили.

¹⁸¹ Александр Нежный, исследуя становление безбожия при Советской власти, подводит итог: «Грех всей земли, всего народа, повреждение нравственных основ жизни — Христа забыли! — вот первопричина...». См.: Нежный А. И. Комиссар дьявола. — М.: Протестант, 1993. — С. 249.

Новая власть

Приход в село идей «Нового мира» — это не обязательно из современной Европы. В 1939 году пришла в Западную Украину новая власть, которая обладала всеми атрибутами современного мира: насаждалось атеистическое мировоззрение, показывался такой образ жизни, который считался в селе постыдным, упразднилась частная собственность — эти изменения ломали вековые основы жизни.

Всегда в Карпиловке было несколько «опустившихся» людей, не равнодушных к спиртному. И хотя в селе была гуральня, производящая спирт, и пан платил людям водкой — на страже трезвости стоял стыд перед людьми. Переступивший через него, этим поступком удалял себя из активной жизни села. Интересны воспоминания о начале перемен Л.О. Яремчука:

«В полдень в село въезжала новая власть — советская. Все взрослые — по хатах, и только мы, дети, наблюдаем солдат: всадников с огромными ружьями, брички, в которых едут командиры, злых и усталых пеших... Временный штаб новой власти расположился у нашего соседа — у него большой дом. Ближе к вечеру к нам пришли несколько глав зажиточных семейств и вместе с отцом стали ждать новостей из соседнего дома. Главный вопрос, который тревожил каждого селянина при разных реформах или сменах власти, всегда был один: «Будет ли добро?». То есть будет ли новая власть способствовать хлеборобу в его нелегком труде или задавят поборами; как и кто будет управлять селом; будет ли справедливое начальство? Наконец, пришел к нам сосед, в доме которого временно остановилось руководство новой власти. Озабоченно посмотрел на нескольких ожидавших его людей и угрюмо сказал: «Добра не будет». Наступило молчание, только охнула и перекрестилась мама. А после паузы объяснил людям причину такого мрачного наблюдения: «Горилку пьют стаканами!» У собравшихся вопросов не было — всем все было ясно»¹⁹¹.

Такие точные наблюдения и правильные выводы могли делать люди, имевшие здравый взгляд на события и руководствуясь простой народной моралью, которая имела основанием христианское понимание добра и зла. А она говорила, что имеющий пристрастие к увеселительным напиткам — человек слабый, не умеющий управлять самим собой — и, естественно, управлять селом или колхозом он никак не мог. Но потом люди видели непомерно пьющее сельское начальство и никто их за это не снимал с занимаемых должностей, а, наоборот, к ним приезжали еще большие начальники и не стыдились делать то же самое. Появление такого «человека несоответствующего» ломало привычные стереотипы, которые формировались веками в нашем народе и с помощью которых оценивали людей и их поступки. Понимание того, что в жизни каждый занимает соответствующее ему положение, удерживало сельское общество стабильным. Сначала люди удивлялись поведению «чужих», потом привыкали, смирялись и, как показывает дальнейшая история, — изменялись сами. Совесть и сознание

¹⁹¹ Записано автором из рассказа Л. О. Яремчука.

неправильной, безбожной жизни, вместе существовать не могли. Поэтому в следующем поколении начали появляться новые люди, с новой измененной совестью, в которых внутренний конфликт уже не возникал. Эти, злые и одновременно трезвые (по выходным дням), управляя и исполняя приказы, доводили страну до логического конца. Алкоголь отуплял совесть, снимал моральные запреты, вскрывал темные стороны души и освобождал в людях страшную, мощнейшую разрушительную силу — силу бессовестности, с которой горы можно перевернуть, при этом шагая по людским судьбам, как по опавшим листьям. Эта сила была людям известна, но она находилась под запретом потому, что понималась как слепая сила стихии или необузданная энергия сумасшедшего человека. Она была неуправляема и, в конечном итоге, восставала на того, кто ею пользовался. И, тем не менее, новая власть решилась ее использовать — последствия видны донине, и еще долго потеря совести, этой самой главной составляющей человека, особенно власть имущими, будет плодить хаос^[10].

Те люди, которые в основание жизни ставили неизменные, неподдающиеся влиянию внешней ситуации моральные устои, выживали и сохраняли человеческое достоинство. У них была вера — возможно не строго евангельская, но они верили в то, что этим миром управляет Бог, Который выше всех властей. Эта вера помогала им сохранить себя в смутные времена. Другие, без веры и Божьего света — терпели поражение. Таких людей, у которых была травмирована какая-то сфера их личности, сама жизнь выбирала во власть. Повреждение в мышлении заставляло их считать, что материальное обеспечение есть ответ на все проблемы жизни. Повреждение в сфере чувств, заставляло их искать утешения своего тщеславия, искать власти над другими людьми — этим они удовлетворяли свои комплексы, лечили боли и унижения от жизни. Вот они и управляли селом.

И какие бы не были написаны для них законы, всегда чувствовался их собственный «стиль» управления: воровство колхозного было настолько естественным, что людьми и начальством планировалось наперед как обыкновенное дело. А запрет воровства и разрешение на воровство были для колхозных управленцев чуть ли не основным рычагом наказания и поощрения людей. Со временем от такой жизни и при таком руководстве, такие понятия как совесть, правда, человеческое достоинство — улетучивались совсем. В жизни может случиться разное, но если у человека есть Слово Божье и вера — он всегда будет корректировать, исправлять свою жизнь в правильное русло. Обманутое и духовно обворованное село стремительно деградировало вслед за своими лидерами.

Для верующих жить в селе было очень сложно, но это обстоятельство вынуждало их еще больше объединяться и жить как одна семья, во всем помогая друг другу. Они-то и были хранителями на селе общечеловеческих христианских ценностей, и за это преследовались властью. Евангельским христианам было особенно трудно, потому что они открыто и свободно заявляли о своей христианской вере в условиях господства атеистической

^[10] См. в Интернете документальный фильм «Технология спаивания» (2012).

идеологии. На них нацеливалась вся сила лжи и гонения, но тем более ценно было это открытое противостояние официальному мировоззрению. Христиане, самым своим присутствием, утверждали иные ценности, не материалистические, основанные на вечных, неизменных идеалах, а не на временной ситуации изменчивого мира.

В условиях идеологической войны с Западом, верующие портили всю картину: как же так, что в самом передовом государстве, с самым прогрессивным мировоззрением, где «так свободно дышит человек», находятся люди, которые осмелились в условиях идейной сплоченности советского общества быть другими и открыто (!) говорить об иных, противоположных царствующей идеологии взглядах на жизнь и ее смысл? Впервые создалась неприемлемая для советской идеологии ситуация: евангельские верующие своим открытым и активным исповеданием христианства подвергали сомнению материалистическое учение, господствующее в стране. И эти мужественные люди находились не в подполье — а свободно заявляли о себе, навлекая этим на себя всю мощь советских карательных органов. Занимая позицию, противоположную государственной идеологии, они открыто претендовали на свое место в обществе, на свободу своих взглядов, стараясь защитить себя писанными, но не соблюдаемыми законами государства. При этом, что очень важно, это были не какие-то криминальные элементы, которые будут всегда — даже и в идеальном обществе. А это были жители страны, как правило, в моральном отношении стоящие намного выше среднего советского гражданина. На искоренение этих «религиозных пережитков» и на все, что напоминало бы о христианстве, была направлена вся идеологическая мощь государства.

Борьба с патриархальным миром

В послевоенный период никто открыто не боролся с религиозными взглядами православных и католиков — их просто игнорировали. Борьба шла исподволь и прежде всего против церковных зданий. Здесь действовал отработанный сценарий того времени. Государственная комиссия проверяла церковь. Под самой вершиной церковного купола кто-то из комиссии, обладающий «уникальной» остротой зрения, заметил царапину на краске. Вместе с другими незначительными замечаниями царапина была запротоколирована как «трещина в куполе» и свидетели, по наивности, подписали этот протокол. Вскоре выяснилось, к чему была вся эта дьявольская затея: церковь была объявленная в аварийном состоянии и закрыта. Это был 1961 год, в который по всей стране было закрыто 1390 православных приходов^[1].

В областном центре, куда обратились жители села с жалобой, уполномоченный по делам религии посмотрел на карту и сказал, что в соседнем селе есть церковь и туда всего четыре километра. И им должно бы быть стыдно (!), что хотят иметь свою церковь, когда близко есть другая. Вот, оказывается, чего нужно стыдиться людям согласно новой советской морали.

[1] Интернет док.: http://tapirr.narod.ru/ekklesia/history/1917gonen_damas.htm.

Предупреждая возражения, он добавил, что его старый отец до самой смерти за двадцать километров ходил в церковь. Людям было предложено посещать церковь в соседнем селе.

Мой дед был одним из этих просителей. Он вспоминал, как они возвращались в недоумении: почему они должны были стыдиться, что хотят иметь открытую церковь? Наоборот — им было стыдно, что нет церкви в селе, что она закрыта, а они ничего не делают для её открытия. Народ считал, что село без церкви — неполноценное село. Они не были наивными и понимали политику власти, но обвинение в отсутствии стыда не понимали никак. Ведь стыд был важнейшей основой моральной жизни села. Странная мораль была у новой власти! Они и не представляли себе, что мораль этой власти строилась не на христианских, а совершенно других основаниях. И что такая мораль вообще возможна! Бедные мои деды-земляки, я преклоняюсь перед их вековой мудростью, но они и не подозревали, что только что разговаривали с живым «марсианином»^[12]. И мораль у него — марсианская, им чужая, непонятная...

Через несколько лет село снова послало делегацию в Киев — ходатайствовать об открытии церкви. «Вы что, хотите, чтобы церковный купол обрушился на головы людей?» — журил ходоков за правдой киевский чиновник, тыкая пальцем в тот самый протокол с «трещиной на куполе». Конечно, никто не хотел, чтобы церковный купол обрушился на головы людей. С тем и возвратились в село.

К людям, пришедшим к власти за справедливостью, применялись примитивные методы доморощенной психологии советских управленцев — сделать любой ценой человека виноватым; при этом деликатно говорили ему разные благоглупости. Виноватым в безответственности за чужую жизнь, когда купол церковный упадет на головы людей, или в лени, что не хотят четыре километра идти в церковь, когда люди и по двадцать ходили. А виноватый ничего уже не просит — ни об открытии церкви, ни о повышении зарплаты; не жалуется ни на своеволие местного начальства, ни на нехватку необходимого, — он желает одного: поскорее вырваться из этого кабинета. Внушенное просителю чувство вины работало в нем так, что он, стоя перед начальством, чувствовал себя виноватым уже в том, что пришел что-то просить или на что-то жаловаться. Ведь вокруг все довольны всем, а на трудовом фронте эти, довольные, ударным трудом еще больше стараются умножить довольство всех. «Конечно, и у нас есть недостатки, иногда — промахи, но мы с ними боремся, решаем...» — так, обычно советские чиновники заканчивали свои речи, лукаво смиряясь и оправдывая свое присутствие в этих кабинетах.

«Юридическим эталоном советской власти стала “презумпция виновности” человека. Российский, а затем советский человек был априори греховен. Но не перед Богом, а перед властью. Власть заняла место Бога. Человек для большевиков — вообще ничто — тварь земная, “материал капиталистической эпохи, непригодный для создания социалистической цивилизации”.

^[12] См. Ответ Д. Мережковского Герберту Уэллсу. — С. 136.

Его необходимо расстрельно и тюремно переработать»^{113]}, — так объясняет А. Н. Яковлев классовую мораль большевиков по отношению к народу.

Любая власть старалась использовать труд сельских жителей для себя. А внутренняя жизнь человека их мало интересовала: что он думает, во что верит, какую мораль исповедует — это было дело самого человека. Так было всегда. Когда пришли коммунисты и насильственно навязывали новый способ хозяйствования — коллективную работу в колхозе, то народом это нововведение так и понималось: иметь выгоду в первую очередь для себя, для своего государства. Ко всем таким изменениям народ относился со зловещим чувством скептицизма. Но когда без причины закрыли сельскую церковь (все понимали, что трещина в куполе — это ложь), народ в селе впервые столкнулся с идейной враждой новой власти, которая начала внедряться в души людей.

Скептицизм и недоверие переросло в скрытую вражду. (Она сохранилась в большинстве народа до самой Перестройки — этим и объясняется такой быстрый массовый переход людей в стан оппозиции). Но нашлись в селе такие люди, для которых желание любой ценой устроиться в этой жизни взяло верх — эти и приняли новую власть, были ей опорой и занимали все руководящие должности в селе. Эти люди, окончательно деградировавшие и, по словам жителей села, «никогда не просыхавшие от самогона», позже выламывали памятные кресты и топили их в реке.

Крестоповальщики

Крест — сакральный символ христианства — навсегда вошел в сознание нашего народа как напоминание о голгофской жертве Христа. Это не давало покоя новой власти. И вот, в холодную зиму 196* года, по селу поползли слухи о том, что пропадают на полях каменные кресты. Люди отказывались в такое верить, пока не убеждались сами. В короткие серые дни приходили некоторые из них к этим местам, смотрели молча на ямы в мерзлой земле, на следы гусениц от бульдозера, ведущие к высокому берегу реки, где самые глубокие места, качали головами и молча уходили. Как позже рассказывали очевидцы тех событий, многие думали, что так начинается конец света.

Сломать крест и сбросить его в реку — такое мог сделать только тот, кто перешагнул через массу запретов — как внешних, так и внутренних. Ведь человек поднимался против тысячелетней истории и культуры, покушался на основы жизненного уклада своего народа. В селе по-народному верили, что будет время, когда поведет по земле антихрист свое войско на последнюю армагедонскую битву с Христом. И ставили на дорогах кресты, освящали их в надежде, что злой дух обойдет эти села потому, что крестов он боится. И когда местные, угорелые от сивухи коммунисты, стали ломать и сбрасывать в реку кресты, люди думали, что уже начался конец света, и дьявольские слуги готовят сатане дорогу на последнюю битву.

^{113]} Яковлев А.Н. Сумерки «Материк», — М., 2003. — С. 215.

Эта зима была для села буниновскими «окаянными днями»^[14]. Как пепел Везувия, опустился на Карпиловку страх и недоумение и покрыл ее удушливой тьмой, в которой задыхались люди. Село замерло в ожидании страшных вестей о новых рейдах крестоповальщиков. Люди встречались на короткое время, перебрасывались несколькими словами и расходились. Все знали, чья это работа. Как когда-то, читая письмо из Канады, люди никак не могли понять состояние душ своих земляков, переступивших все человеческие границы, так и теперь все были в недоумении.

Поступок братьев, уехавших в Канаду, можно было объяснить влиянием «чужины», но теперь это делали свои же, жители этого села. На первый взгляд — нормальные люди, но что с ними происходило ночью, когда они садились за рычаги бульдозеров и ехали валить кресты? Размышляя над похожей загадкой, Д. Мережковский писал в 1919 году о людях новой власти: «Среди русских коммунистов — не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти «святые». Они-то-самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них «китайским мясом».^[15]

На людей навалился огромный груз: нужно было как-то объяснить то, что происходит. Иначе — как жить дальше? Тех, кто переступил страх перед Богом и даже мистический страх наказания за надругание над крестами, тех, кто потерял разум — люди стали бояться, как боятся разъяренного быка, взбешенных псов, чьи действия непредсказуемы. Объяснение происходящему было найдено случайно. Кто-то высказал мнение, что это делалось «на пьяную голову», и люди ухватились за эту мысль и этой мыслью успокоились, потому что, действительно, с нормальным сознанием это делать было невозможно. Иначе — жить было бы страшно с такими соседями и в таком «нормальном» мире. Это было смутное время сумасшедшей власти, когда пьяных предпочитали трезвым, когда потерявший разум человек был более понятен и этим безопасней, чем «нормальный» и трезвый, ломающий кресты. Село спасалось от крестоповальщиков, «выводя» этих людей из нормального круга в область безумия.

Подавляющее большинство жителей Карпиловки принадлежат к нескольким большим фамилиям, и хотя различали «своих» и «не наших» (т. е. — не из нашего рода), но люди жили мирно. Понятие «чужой» ни к кому из жителей села не применялось, хотя в селе жили переселенцы из Закарпатья, лемки, а с приходом советской власти поселились в селе люди из восточной Украины и России. Природный интерес к новым людям, желание помочь, доброжелательность коренных жителей способствовали мирной и доброй атмосфере. Но с крестоповального времени люди в селе начали неформально отделять себя от чужих, и, несмотря на родственные связи, чужими называли тех, у которых был чуждый дух, необъяснимые поступки, угрожающие вековому пониманию жизни.

^[14] Бунин И. «Окайные дни». В 1918—1920 гг. Бунин записывал в форме дневниковых заметок свои непосредственные наблюдения и впечатления от событий в России того времени.

^[15] «Китайским мясом» называлось в народе мясо расстрелянных, продававшееся, по слухам, под видом телятины на рынках китайцами. См. А. Николюкин. Феномен Мережковского. Цит. по интернет док.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

Удивляет в них уверенность в безнаказанности, вера в бесповоротность политической ситуации. Как они думали жить дальше среди людей? Что это? Вера такая или какой-то ген Каина проявился? Пресловутая бездумность или желание выслужиться перед властью, «отработать» за дарованные блага? Ничем этим нельзя объяснить их действия — и вопрос остается открытым. Свести всё до примитивизма и объяснить всё пьяным безумием тоже нельзя — это была серьёзная акция, кто-то за этим наблюдал, отчитывался, они должны были понимать, что делают. И делалось это не одну ночь, а больше месяца периодически происходили ночные «подвиги» сельских коммунистов. Этим крайним проявлением неприкрытого зла они отделились от людей и стали недоступны для понимания. Там, в темных глубинах их сознания, в мраке их душ происходило что-то демоническое и действовали другие законы, неподвластные людскому осмыслению.

Наверное, ближе всех к истине был Дмитрий Мережковский с его радикальной характеристикой новой власти, рожденной собственными наблюдениями «окаянных дней». Он писал в 1920 году Герберту Уэллсу:

«Знаете, что такое большевики? Не люди, не звери и даже не дьяволы, а наши “марсиане”... Самое страшное в большевиках не то, что они превзошли всякую меру злодейств человеческих, а то, что они существа иного мира: их тела — не наши, их души — не наши. Они чужды нам, земнородным, неземною, трансцендентною чуждостью...»^[16].

Это — грустная страница в истории села. О ней никто не говорит, не вспоминает, стыдно всем: одним — за действия, другим — за молчание. «Бог им судья» — говорили люди, не желая ворошить прошлое и причинять боль. Сегодня жители села, особенно пожилые, будут охотно разговаривать на любую тему из прошлого, только не на эту. Забываются эти события скорее других, потому что сама память о них неприятна. Безбожная акция уничтожения крестов была настолько чужой, что «не вмещалась» в сознание сельского жителя.

Последним в ту зиму был повален и куда-то увезен гранитный крест и большая надгробная плита с изящной латынью из панского захоронения времен Австро-Венгрии. Единственный крест оставался нетронутым за забором церкви, установленный в честь 950-летия крещения Руси. Одни кресты зарывали в оврагах, другие топили в реке. И лежат где-то на дне реки каменные распятия, смотрят сквозь толщу вод на отвергнувший их мир, где только скелеты телевизионных антен остались над головами духовно обворованных людей. Или легли на дно реки лицом вниз, устыдившись человеческих деяний. И заносит их илом, как забвеньем — память людскую...

В Карпиловке дух нового времени обошелся с крестоповальщиками особенно жестоко, не пощадив их совесть. В результате все они, развращенные властью и самогоном, вынуждены были спастись от укоров совести единственным доступным для них способом — ломая сам механизм совести. Уничтожая совесть, они теряли с ней и человеческий образ.

^[16] Безелянский Юрий. 99 имен Серебряного века. — М., Эксмо. — 2007. — С. 68.

Идеология «Нового мира»

Идеи «Нового мира», словно волны, периодически накатывались на Карпиловку, смущая и удивляя людей. Эти новые веяния, появившееся неизвестно где и по непонятным причинам, были чужими для жителей села. Но они обладали какой-то странной, притягивающей силой, почти магической привлекательностью инакомыслия и вседозволенности.

Люди умирают и их хоронят — так завершается земной путь каждого человека, и, к сожалению, люди к этому привыкают. Но эти похороны были в Карпиловке особенными: впервые хоронили человека без священника. Умер старый коммунист, один из основателей колхоза и борец за утверждение Советской власти в селе. Его друзья и единомышленники, зная, что это первые в селе безрелигиозные похороны, решили сделать их показательными.

Черные ленты, красные полотнища, венки и духовой оркестр, а приезжие профессиональные ораторы говорили так, что потом сельские молодницы восхищались: «Ах, никто и никогда не говорил о человеке так красиво! Ни о живом, ни о мертвом! Как нам нравится!» — несмотря на то, что покойника не очень любили в селе за привычное для первых коммунистов паханство и вседозволенность. Наверно, в тот момент подсознательно каждый желал себе такого прощания. Главное, чтобы было красиво и жалко. Похороны понравились всем, хотя были такие, что несмело добавляли: «Вот если бы еще, хотя бы в конце, да священника...» — но это явно были люди, не умеющие ценить красоту «нового».

Настал в похоронах кульминационный момент, когда закончилось «последнее прощание» родных с умершим и священник должен был дать повеление закрывать покойника и опускать гроб в яму. Но, из-за отсутствия последнего, из-за закрепленных веками традиций похорон, хоронящие стояли в нерешительности, не зная, что делать с окружившими гроб родственниками и как решиться закрыть умершего крышкой гроба. А родственники не знали, как отойти с достоинством. Новое время требовало своих обрядов и они возникали, отображая новую ментальность.

Наконец дальние родственники увели от покойника утомленных плачем близких родственников, и кто-то взял на себя смелость дать распоряжение закрывать гроб. И в этот момент раздалось негромкое, но властное, заставившее всех вздрогнуть: «Постойте!». От группы близких друзей к покойнику подошел его друг и соратник по партии. Нахмурился, с обидой на несправедливость такую, когда «смерть, безжалостно, вырвала, из, наших, рядов, ...» и т. д., играя желваками, он поднял левую руку друга, желтую и окаменевшую с позолоченными именными часами, сверил их со своими и поставил мертвому точное время живых. Потом завел пружину часов до максимума, вздохнул и вернул руку покойного в прежнее положение.

Стоявшие сзади чуть шеи не поотрывали, стараясь рассмотреть, что делается, и спрашивали передних:

— Что он делает? Что он там делает?

— Часы заводит, — отвечали передние спрашивающим.

А те, после секундного недоуменного молчания, не зная, как реагировать на происходящее и потом как бы догадавшись, говорили: — А-а-а». От непривычной ситуации даже плакать перестали, заинтригованные происходящим. И вдруг осознав, что часы еще будут «тикать» умершему в гробе трое суток, разразились еще большим плачем. Даже мужчины, потупив головы, вытирали глаза и, наверное, в этот момент все простили умершему.

Добрые и простодушные сердца имеют мои земляки. Есть в этом какая-то языческая загадочность, если вспомнить, что умершим, то копейку в руку давали, то горшок каши ставили в гроб или, как учит история, слуг убивали и вместе хоронили для компании умершему. А сегодня кладут в карман покойнику мобильный телефон и никак не додумаются, что возле уха, возле уха нужно его ставить! Воображение, следуя за какими-то ассоциациями, рисует картину скифских захоронений. Смотря сегодня на похожие похороны, удивляешься: по своему отношению к смерти и жизни — все те же древние скифы. Только что — с мобильными телефонами.

Вначале некоторые родственники умершего боролись и настаивали на скромных церковных похоронах со священником. Проиграли. И теперь, слушая профессионалов слова и расплакавшись от жалости, глядя на большие вазы с красными гвоздиками, сосновые венки из невиданной в местных лесах голубоватой хвои (знающие объясняли наивным: «кремлевские!»), каждая из присутствующих женщин представляла эти похороны со священником. И он проигрывал в их глазах по всем статьям.

Люди, отодвинувшие Бога в сторону, а с этим всё сформированное христианством и внёшим в их быт жизнеутверждающий принцип даже при прощании с умершим, — возжелали переживания сладостно-щемящей жалости и внешней языческой красоты. На христианских похоронах у людей есть вера и надежда, даже сами похороны называют праздником жизни, т. е. переходом от временной жизни — к вечной. Современные язычники (особенно в этом преуспели новые начинающие бизнесмены) мучаются невыполнимым желанием: любой ценой задержать умершего, особенно какого-нибудь авторитета, на этом свете, связать с собой, хотя бы через «тикание» часов, или (новое изобретение!) — звонок умершему, в могилу. Жалуются. Говорят, помогает...

Массовая культура «Нового мира»

Еще одной волной «Нового мира» — самой, наверное, разрушительной для векового понимания жизни и ее ценностей моими земляками и окончательно изменившей менталитет людей — стало телевиденье. Два события в середине 1970-х (случайно или нет) совпали вместе и породили поголовное вхождение жителей Карпиловки в массовую советскую культуру.

В тот год погодные условия были хорошими, и урожай сахарной свеклы на колхозном поле был рекордным, осень была погожей, свеклу вовремя

выкопали, сдали, и к Новому году население получило большие деньги. В это же время было объявлено о новогоднем снижении цен на телевизоры. Через короткое время, до конца зимы, почти в каждом доме светился «голубой огонек». Все это было результатом целенаправленной работы, отгораживающей население от идеологического влияния Запада.

Вот что пишет заведующий в то время сектором радио и телевидения А. Яковлев:

«Развитие телевидения шло в мире быстрыми темпами. Наша страна отставала. Наверху понимали, что у телевидения огромное будущее, но боялись, что оно может оказаться бесконтрольным из-за возможности спутников. Различным институтам и центрам не раз поручалось исследовать способы защиты от зарубежного спутникового телевидения. Таких способов, разумеется, не нашлось, кроме развития собственного вещания»^[17].

Тогда был создан гигантский механизм влияния на массы. Все рычаги управления им находились в руках государства, и началась массовая «телевизация» страны — безопасная для идеологии, но губительная для людей.

Изменилось все, даже вид села. Чтобы «ловить хороший сигнал», поднялись над хатами высоченные антенны (село в долине, между гор). Разговоры велись о том, что показывали вчера и что покажут завтра. Все говорили одно и то же потому, что все смотрели одно и то же, — это был не обмен информацией, а воспоминания об общих переживаниях перед голубым экраном. Под впечатлением передач поздно засыпали — и сны, наверное, были у всех одинаковые. Если раньше, до эпохи ТВ, круг разговоров был ограничен селом, местными событиями, погодой, видами на урожай, воспоминаниями о нелегких пережитых временах, то теперь интересы, как наивно казалось многим, расширились до границ целой страны, даже иногда кусочки чужого мира показывали. «Ах, какое вчера красивое «Сяйво» было!» — говорили друг другу растроганные люди, встречаясь у колодца, в сельском магазине, просто на улице. Все соглашались, переживая удивительное чувство душевного единения.

Умники утверждают, что идеи объединяют людей, — сомнительно. А вот безыдейность и бездуховность — точно. «Сяйво» — это цикл концертов-отчетов каждую субботу вечером и — аж за полночь, которые по очереди давала каждая область Украины. Хватало на целый год. Там пели, плясали, рассказывали о местных производственных достижениях, победителях соцсоревнований, будущих планах, — этими и другими похожими «байками-легендами» и затеями формировали этические и эстетические предпочтения своих зрителей. Все подавалось с позиций правящей идеологии, в которой не было места христианству. Жизнь там показывалась обескровленная, лишенная высших целей. Духовная составляющая человека пренебрегалась, а в основание жизни ставились естественные, плотские потребности людей в развлечениях, самореализации и потребности следовать за общими идеалами.

^[17] Яковлев А.Н. Сумерки. — М.: Материк, 2003. — С. 277.

За формирование политических и нравственных взглядов населения серьезно брались программа «Время» и другие новостные передачи. Новости подавались так, чтобы зритель не оценивал увиденное, а получал его с готовыми ярлыками. Так отучали зрителей от применения привычных критериев при оценке происходящего, выработанных многими поколениями. Запускался механизм «бомбардировки» зрителей массой искаженных комментариев о происходящем, чтобы эти искаженные взгляды стали нравственной нормой.

«Нравственно то, что полезно пролетариату»^[18] — было заявлено в начале советской эпохи. С тех пор суть этого утверждения не менялась — менялись детали, отвечая потребностям времени. Последний, «предсмертный» вариант, был: «Нравственно то, что выгодно власти». А в реальной жизни все было намного проще: нравственным было то, что было выгодно начальству (если оно еще заботилось о какой-либо нравственности). После обработки населения этой тщательно подобранной и составленной пропагандой, село уже можно было называть вместо украинского, советским селом.

Ни война, ни смена власти, ни свобода не имели такого потрясающего влияния на сознание сельского жителя, как советское телевидение. Зрители вдруг ощутили себя, как в аквариуме, из которого они наблюдали другой мир и чужую жизнь. И хотя это было где-то далеко и им недоступно — оно меняло восприятие жизни радикально.

Люди осознавали, что уже той жизнью, которую показывают, они никогда не проживут, она не проникает в их мир, проходит мимо их «аквариума», и кто-то другой, более удачливый проживает её. Поэтому нужно спешить жить, прочувствовать все её прелести, насладиться текущим днем, быть важным, значительным или хотя бы чувствовать себя таковым. И они хватились без разбору и проверки даже за виртуальное подобие жизни — они были всеядны, мои земляки, и с жадностью впитывали в себя телевизионный попкорн. Особенно это губительно было для молодого поколения, идеалы которого уже формировались под влиянием телевидения.

Советский философ Мераб Мамардашвили говорил в одном интервью:

«Вы не можете себе представить... насколько привлекательна бывает простота тоталитарного мышления. Этот повсюду разлитый незаметный яд действует куда эффективнее грубой цензуры и прямого преследования. Он разъедает человека изнутри, проникая в подкорку мозга. Простота эта поистине притягательна. В чем суть ее соблазна? В том, что она позволяет вам чувствовать себя умным, интеллигентным, все на свете понимающим, не требуя от вас взамен никакого усилия. Ведь человек от природы ленив, и если пообещать ему, что без труда, без напряжения он сделается чем-то значительным, то он не устоит — тут же ухватится обеими руками»^[19].

^[18] Высказывание В. Ленина на III съезде комсомола в 1920 году, отражает новое понимание морали. Отсюда и нравственное оправдание террора, уничтожение «классово чуждых» элементов, Русской Православной Церкви, создание концентрационных лагерей и, в конечном итоге, ГУЛАГ.

^[19] Мераб Мамардашвили. Телеинтервью. Интернет док.: http://mamardashvili.com/authobiographical/la_pensee_empechee.html.

И они держались даже за виртуальную, телевизионную реальность, ничего не пропуская. А в селе появилась новая самая почетная и самая востребованная профессия – телемастер.

Телепередачи были настоящим вторжением в сознание сельского жителя. Вся масса информации, которая обрушилась на голову зрителя, несла в себе враждебные ему атеистические идеи, которые уничтожали привычные основания жизни, вековые парадигмы восприятия мира. Моральные поступки людей формировались христианством на протяжении веков, но в передачах они подавались как достижение раскрепощенного сознания советского человека. А в то же время зло жизни показывалось не как следствие отступления от Божьей правды и наличия греха в сердце человеком, а как пережиток прошлого, отсутствие правильного воспитания. Это был гигантский дьявольский обман народа. Продукция ТВ преподносилась так, что создавалось впечатление, как будто все эти герои фильмов и реальные люди, показываемые в телепередачах, жили в таком мире и такой жизнью, где как бы никогда не было христианства – ни в поступках героев, ни в мыслях, ни в совести, ни в душе. Даже в тех фильмах или передачах, в которых их творцы претендовали на раскрытие внутреннего мира своих героев, – все духовное в них отсутствовало. У старшего поколения это вызывало какой-то смутный душевный дискомфорт от внутренней пустоты показываемых героев, но приманка была сладкая, и альтернатив не было... Результаты были необратимыми.

Возможно, исследователи глубже проанализируют влияние телевидения на психику человека, на его трансформацию в советского человека, и тогда будет более понятен механизм формирования homo soveticus, но сельские жители в своей простоте не подозревали, что существует идеологическое насилие. Если кто-то обманывал или скрывал правду – то это были обычные бытовые сельские будни. Но чтобы кто-то систематически и планомерно искажал правду, чтобы кто-то ложь выдавал за истину, и все это для того чтобы изменить их менталитет для своей выгоды, – такого люди не могли даже представить. Поэтому передачам доверяли, их смотрели не критически. А если оценки увиденного отличались от официальных, то жертвовали своим мнением: ну, не могло же такое славное советское телевидение ошибаться! Насаждалась новая мораль, где бездумность была основной составляющей мировоззрения.

Помню интервью по всесоюзному радио с шахтером-передовиком и его рассказ о том, как он сумел так много угля добывать за смену. Когда рассказ перешел о его жизни, журналист всерьез спросил этого шахтера: «В чем вы видите смысл человеческой жизни?». И тот легко и просто, не много задумываясь, как об усовершенствованном им методе добычи угля, отвечал, что смысл жизни в том, чтобы вырастить сына и посадить дерево. Такие ответы (наверное, наперед заготовленные идеологами) были необходимы для ориентации населения на мнимую мудрость, на бездумные поверхностные мысли, которые заполняли бы пустоту души, отсеченной от подлинных источников мудрости и истины – Божьего Слова. Спрашивать о высоких,

вечных истинах передовиков производства, артистов, спортсменов, космонавтов стало необходимо для придания этим вопросам иллюзии легкого решения и для приземления самих вопросов, для снятия с них актуальности. Главное, чтобы был человек известным: его авторитет придавал вескость словам, даже если он вещал банальность или абсурд.

Программы стали средством целенаправленного идеологического влияния и манипулирования сознанием людей. Они были построены так, чтобы люди засыпали успокоенными: все в мире идет правильно и ситуация под контролем. Это чувство захватывало людей, как наркотик, становилось необходимой составляющей их внутреннего мира, и они потом подсознательно искали в передачах эти переживания, успокаивающие их чувства. Результат, который должна бы приносить молитва, когда человек оценивает поступки с позиций вечного Бога, ищет у Него прощения и силы для праведной жизни — теперь приносило в сердца зрителей телевидение. Людей успокаивали, уверяли, что партия и правительство постоянно заботятся о них, и этим их как бы не выпускали из детства во взрослую жизнь. Человек решал только очередные задачи текущей жизни: выбирал профессию, спутника жизни, работу. Но у него, духовного недоросля, редко возникали вопросы о смысле жизни, о конечной цели его существования, о Боге — эти вопросы задают зрелые люди, а человеку не давали к этому дорасти. Правильный взгляд из вечности на мир и жизнь, который дает молитва и мысли о духовном, подменялись внушением безопасности и социальной защищенности в земном, временном бытии. А духовные потребности трансформировались в мечту о светлом будущем. Подавляющее большинство народа, никогда не знавшего ни подлинной духовной свободы, ни подлинного мира, легко обманывалось и принимало эту ложь.

Оглядываясь на эти годы, удивляет масштабность и в то же время идеологическое однообразие: одновременно вся взрослая страна смотрит, например, приключения Штирлица^[20] и десятки миллионов людей отданы на полтора часа под информационную обработку советской пропагандистской машине. После просмотра, что-то в каждом зрителе менялось. А утром все эти миллионы людей пойдут на работу, после работы — в магазин, дома будут воспитывать детей, обдумывать нехитрые домашние планы — и все это будет под незримым влиянием вчерашнего фильма, концерта, программы новостей. Без Бога человек впускаем до беспредела.

«Когда утром я просыпаюсь — со мной миллионы встают; Когда я на работу шагаю — со мной миллионы идут...» — писали поэты той поры. Массовое однообразие поражает. Но при этом удивляет востребованность народом такой культуры. Каждый чувствовал себя маленькой, незначительной силой, но умноженной на тысячи и тысячи сил. И ничего уже мне лично не нужно, лишь бы переживать снова и снова этот общий гигантизм. Кто я? Что я? Почти как ничто. Но вместе — мы громаднейшая сила! Поэтому и устраивались парады с оркестрами и маршевыми песнями. Наверное, похо-

^[20] Герой культового советского художественного телефильма «Семнадцать мгновений весны». Снят по одноимённому роману Юлиана Семёнова. На экранах с августа 1973 года.

жие чувства сегодня испытывают только паломники, обходящие Каабу в месяц Рамадан.

Государство имело огромные рычаги влияния на психику своих граждан. Идеалом и целью было воспитание такого человека, который для себя ничего не желал, а был бы околдован этим чувством массовости. Тогда он отречется от личных благ и будет заботиться только о том, чтобы не выпасть из этого общего движения миллионов, идущих под мудрым руководством партии и звуки маршей в прекрасное светлое будущее.

Село не могло ничем защититься от этой гигантской идеологической машины, ломающей души людей. Казалось, что она их прямо распинала на антеннах. Отец говорил: «У кого есть телевизор, уже и не поговоришь с людьми нормально». Спротивляться этому могла только личность, воспринимающая мир с позиции вечности. Такими были в селе верующие люди. Но они были настолько оболганы пропагандой, что их мнение не слушали. А они и были единственными свободными людьми в то время.

Прелести «Нового мира»

Третьей волной наступления «Нового мира» стал массовый выезд молодежи из села в город, и телевидение сыграло здесь одну из главных ролей, постоянно показывая прелести городской жизни. Не всем удавалось поступить учиться — из-за массового наплыва абитуриентов из села выросла конкуренция (и размеры взяток тоже). Но в село они уже не возвращались. Они шли на стройку и получали койку в общежитии, перед этим поучившись год или два в профтехучилище, или и без этого. После работы время заполнялось доступными развлечениями. Оторванные от сельского быта, беззаботные, с массой свободного времени, которое не знали куда девать, эти молодые люди по-своему ассимилировались. Они, с трудом превращались в городских жителей, но в селе считалось, что, переехав в город, они перешли на лучшую социальную ступень. При этом, сами того не осознавая, они превращались в советских людей, а общей характеристикой их городской жизни было то, что они стояли в очереди за квартирой. Из-за бытовой неустроенности они и с селом не теряли связи, что было видно по переполненным воскресным вечерним электричкам, в которых они возвращались в город с полными сумками сельской провизии.

Вспоминаю разговор с моим земляком, которого я знал с детства. Он был жителем нашего села, а теперь жил в областном центре и работал инженером на предприятии. Разговор этот характерен для доперестроечного мышления той части сельских жителей, которые в поисках лучшей жизни перебрались в город, но еще были тесно связаны с селом. На мой вопрос: «Как живешь?» — с вызовом ответил: «Чтоб не хуже! Чего грешить?» (в смысле: чего жаловаться). И начал мне горячо доказывать правильность своей позиции. «Смотри: в селе (там живут еще его родители) заколол здорового кабана. Привез сюда, и моя (жена) наделала тушенок — хватит на целый год! Я нагнал хорошей самогонки, настоял на наших сельских травах — и себе и гостям в любое время есть что поставить на стол. У меня

самый новейший «Электрон» (опять телевизор!), с Германии видео-приставку друг привез, мебель чешская... Вот на воскресенье моя наварила холодца, нажарила котлет, брат с женой пришли, не поверишь, сорок штук съели за разговорами, побавились немного в карты, даже пели — и разошлись». Я спросил: «Как работа?». «Работа? — удивился он. — Работа — как работа, ничего, нормально».

Было мне как-то не по себе от этого разговора. А ведь это был один из нас, и в детстве он часто бывал с нами на наших горах. Помню, он первый придумал запускать с гор бумажные самолеты: удачно сложенные, они могли несколько минут парить, пока далеко-далеко приземлялись. Пообщавшись более двух часов, во время которых мне не всегда удавалось перевести разговор на более духовные темы, мы попрощались. А меня не оставляло ощущение, что я только что разговаривал с человеком, который хотел казаться счастливым. По-своему, куцо и парадоксально счастливым, — но, как везучие жители Монголии шагнули из феодализма прямо в социализм, минуя тяжести капиталистического периода накопления, так и мой земляк, очутился в некоем подобии «общества наслаждения» без каких-то больших усилий со своей стороны.

Продукты привозил из села. Работа для него была второстепенным делом — она давала стабильную зарплату, но не давала жизненные блага: их нужно было «доставать». Обладая смекалкой сельского жителя и жизненной энергией, это было не трудно и даже вносило в жизнь экзотическую радость от удачи, как у охотника. Мечтой было устроиться на работу, связанную с дефицитом. Дальше просто: ты — мне, я — тебе. Кто имел хоть один дефицитный товар или услугу — имел всё остальное. Общение с людьми сводилось к поиску «нужных людей» и поддержки связей с ними. Мой земляк был вполне доволен жизнью, и таких было немало в то время. Он был уникальным «творением» системы. Можно сказать, что именно в таких людях советская власть достигла своей вершины, своего апогея в обеспечении людей счастьем. Продвинуться дальше (вернее, опуститься ниже) она не успела — пришло время платить.

И хотя в рассуждениях моего земляка присутствовала какая-то, еле заметная тревога и неуверенность, но, наверное, это временное, думал он, — пройдет. Оказывается, мало иметь прекрасные мечты, читать хорошие книги, быть отличником в школе — все это не давало жизни для души, не могло дать ей достойный идеал здесь и надежду на Небо. И если человек не встретится с Христом, не полюбит Его и не отдаст себя Ему, ничто в этой жизни, даже самое прекрасное и возвышенное не защитит его от превращения в любителя котлет и современных «Электронов». Очень уж приземлен человек, поэтому и такая высокая цена заплачена Богом за его освобождение.

«Новый мир» торжествует

Не прошло и двух поколений, как село обезлюдело, потому что из-за невозможности найти работу дома, возле семьи, дети и внуки тех «певунов» зарабатывают на жизнь по европах и московиях. Канада опять стала вожде-

ленной мечтой, да попасть туда трудно. Размытые дороги и заросшие диким бурьяном обочины и даже целые огороды никого не удивляют, но ограждения дворов по всей главной улице, как в калейдоскопе, яркими цветами притягивают взор. Это уже не заборы, а стены из белого, красного, коричневого кирпича самой дивной узорной кладки, а между ними сияют ограждения из нержавеющей стали, латуни, хромированного алюминия. Это — знаки, что кто-то из этих дворов работает за границей. Мы — в Европе, а это — евростиль.

Общение между людьми теперь преимущественно виртуальное: мобильные телефоны есть у всех. На одной из гор, что окружают село, поднялась вышка-антенна как символ «нового мира», новым способом объединяющая людей. И целые ночи смотрит она моргающим красным глазом на наши села, бдит, стережет... А иногда и несчастье приносит.

В один из знойных летних дней люди пасли коров на холмах, окружающих село, между которыми несет свои воды наша река. После долгого периода засухи собиралась гроза, неожиданно сверкнула молния, оглушительно ударил гром — и убил старую женщину, которая в то время разговаривала по мобильному телефону. Эта трагедия случилась на глазах у многих пастухов, пожилых и детей, которые вместе с ней были тогда на поле.

Через два года на том же месте я разговаривал с теми же людьми, свидетелями несчастного случая. «Да это все «Киевстар» виноват! Подсунули в наши мобильники «чиповские» аккумуляторы, китайские или тайваньские, вместо японских. Бизнес крутят!» — отвечали и молодые, и пожилые на мой вопрос, что они думают об этом случае.

Я уже не удивлялся технической «грамотности» моих земляков, но поражался, как быстро цивилизованность и технический прогресс трансформировали их мысли, обескровили и приземлили чувства. Стало грустно и скучно слушать секреты украинского бизнеса. А внизу несла река свои зеленые воды в Днестр, мычали коровы, теплый ветер доносил непередаваемый запах спелой пшеницы — все было как сорок лет назад, когда я таким же пастухом-подростком на одной из наших гор подолгу замирал перед открывавшейся панорамой трёх сел, раскинувшихся по берегам нашей реки. Насмотревшись до боли в глазах, мы, подростки, обязательно говорили о нашей заветной мечте: иметь бинокль. Сколько с его помощью можно было бы увидеть чудес и сделать открытий! Это желание открыть новое, неизведанное, осталось для меня прекрасным воспоминанием, и это чувство я ценю и берегу — оно помогает мне возвращаться к Мечте. И чем дальше я удаляюсь от того времени, тем больше ценю радость и свет той жизни в стране детства.

Сегодня иметь бинокль для нас, взрослых, — не проблема. Проблемой стала угроза забыть в суете будней те высокие взлеты детской души, потерять что-то невозполнимое, духовно обеднеть... Я очень надеюсь, что у многих взрослых осталось то же видение, та же мечта и то же желание открыть большой мир, увидеть больше, нежели видят глаза. В детстве мы переживали

удивительное состояние, которое меняло наши души, и на этих горах мы, сельские пастухи-подростки, научились видеть, удивляться, мечтать и верить. В детских сердцах рождалась Мечта, не имеющая ничего общего с суетной жизнью. Но нам ещё предстояло её осознать, найти и посвятить себя служению Истине.

Как отличались тогдашние дети от сегодняшних, с мобильными телефонами, все знающих, ничему не удивляющихся. Появилось поколение с «мобилками», не мыслящими уже себя без этой игрушки. Сегодня мобильный телефон стал сомнительным помощником. Особенно после того, как он превратился из средства связи в средство накопления информации через секундный доступ к Интернету. Происходит зависимость от внешнего хранителя информации, который становится необходимой частью сознания человека, преподнося ему легко и без умственного труда готовую информацию. А информация – продукт небезопасный, особенно для детей, беззащитных перед всей грязью мира взрослых. С появлением карманных калькуляторов мы быстрее оперируем цифрами, но люди теряют умение самостоятельно считать. Что они потеряют и что приобретут сейчас, входя в новую реальность, на вратах которой написано: «Google знает все!»?

Вот интересное наблюдение: «Отрешенность от вещей и открытость для тайны взаимно принадлежны» – далее автор предупреждает об ослеплении бытовым, техническим мышлением, и если это случится, то «человек отречется и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо»^[22]. Кто-то сказал, что чем умнее становятся вещи, тем более безголовыми становятся их обладатели.

Как далеко были мои сегодняшние земляки-собеседники от тех чувств и того настроения души, которые наполняли молодого, не дожившего до своего девятнадцатилетия простого сельского парня, в то время солдата Украинской Повстанческой Армии, написавшего на этом же берегу нашей реки такие строки:

«Яка чудова ніч,
 Тихенько хвиля грає.
 Прислухайсь, час минає:
 Життя – не вічна річ...»

Теперь в этом селе при приближении грозы люди отключают свои мобильники, но перед этим все начинают лихорадочно звонить другим, чтобы те отключили свои телефоны, а те предупреждают о грозе третьих, и так до первой молнии на горизонте – после этого все отключают телефоны по-настоящему и успокаиваются. Знание – сила!

И, кажется, только эти горы и наша тихая река, которые окружают село, но бессильны защитить его, остаются безмолвными свидетелями его борьбы за вековые ценности, сформированные совестью и верой и впитывающиеся в каждое поколение с молоком матери.

^[22] Мартин Хайдеггер. Отрешенность. – Интернет-документ: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt>.

Трагичная история Карпиловки. Кажется – безнадежная. Кроме общих бед в XX веке – войны, голод, власть, которая бессовестно эксплуатировала людей – безбожная идеология тяжелым катком прошло по селу и, главное, по душам людей. По большому измерению, Карпиловка вошла в мир постмодерна. Но как-то бочком нерешительно втиснулось село в новое время, совсем беззащитное перед новыми искушениями материализма и подделок жизни. Постмодерн еще формируется, ещё продолжается борьба и идут процессы гигантских масштабов внутри сознания людей: отрицается все наработанное предыдущими веками и человек, в преддверье свободы, обещает предстать перед миром таков как есть – без религии и философии, морали и этики, – без всего, что сдерживало его природное богоборчество, и только с одним желанием – просто жить, «ловить день» и не тревожить себя будущим. Можно посочувствовать тому, кто первым узнает его и заглянет ему в лицо.

Сегодня село получило все о чем мечтало: земли каждый получил столько, что ненужная зарастает бурьяном; коров, лошадей, домашней птицы имеют сколько хотят; имеют свой язык, свою церковь – кто какую хочет. Но, когда улеглась эйфория от обретенной свободы, на первое место выдвинулась старая, по сути – вечная, проблема: духовный голод. К внутренней неудовлетворённости привыкают взрослые, вырастают в ней дети, формируются характеры, предпочтения и мораль. А, тем временем, их собственная сельская история, которую не нужно учить по учебникам, полна примеров – и вывод, кажется, на поверхности: пропадает человек без Бога. Постольку выживали – поскольку в Бога верили. Но так никогда и не доверяли полностью Божьему Слову, поэтому и обманулись и не смогли уберечь свои души от растления неверием – вот правильный вывод. А ведь только с Богом можно оставаться собою, уберечься от греха, несмотря на то, какая власть на дворе и с какой стороны дуют ветры перемен. Найдутся ли сегодня люди способные прочитать свою историю непредвзято, соединить причины и следствия, увидеть в ней действие высших законов и сделать правильные выводы? А на горизонте замаячил новый соблазн: материальное обогащение, особенно когда введем в Европу. Кажется он и заполнит неокрепшие души людей. Трудно представить, чтобы мир, вопреки человеческой мудрости, начал искать выход на дне раскаяния, признал свое тотальное поражение и неспособность найти свет для жизни. Человек не придет к Богу, пока не попробует все пути спасения, на которых не нужно «отречься от себя». Хотя Бог дал все человеку «для жизни и благочестия». Сегодня церковь должна созидать благочестивую жизнь в новых трудных условиях и иметь дело с большой руиной мира. Место, на котором освящаются святые последнего времени – мир, которому они должны вернуть христианскую надежду.